

Мария Быстрова

АФЕРА В ТЕМНУЮ НОЧЬ
ВОЛЬНОЕ СОЛНЦЕ ВОЛЕНСТИРА. ИГРА НА ЗЫБУЧЕМ ПЕСКЕ
ВОЛЬНОЕ СОЛНЦЕ ВОЛЕНСТИРА. ПЛЯСКА МЕЖДУ УДАРАМИ СЕРДЦА

Тиреград. Великий дом Бирлеков

Флориан Келерой

Мое «я» балансировало на грани пробуждения в той ленивой дреме, когда еще находишься под властью калейдоскопа из неясных сновидений, но уже подозреваешь его в нереальности. Выбираться из шелковой берлоги не хотелось абсолютно, еще минуточку, а лучше часик или пару деньков.

Но чаяния мои беспардонно обломал ворвавшийся в разум вызов с браслета связи. От настойчивого пиликанья никуда не деться, подушкой не накрыться. А уж когда я опознала сигнатуру... Приятную светлую негу затмила вспышка глухой ярости. Бух!

Р-р-разумеется.

Разлепив веки, с укором уставилась на белоснежный потолок, располосованный утренним светом.

Ох, больно... Снова. Будто в живот нож воткнули и проворачивают.

Не отвечу. Пошли они...

Причины со следствиями легко складывались в целенькую картинку, о которой я подозревала с самого начала, но не догадывалась о масштабах холста.

Не отвечу.

Лекс продолжал проявлять недюжинную настойчивость, от магического покалывания немела ладонь.

Впрочем, а почему бы и не пообщаться? Сейчас успокоюсь и выслушаю предложение настырного дипломата. Из любопытства. В том, что оно последует, я не сомневалась.

Удивительно, но мне без особых усилий удалось спрятать гнев под стойкой неприязнью. Сей факт наводил на опреде-

ленные волнующие мысли. Неужели выдержка подводит меня исключительно в общении с...

Так, все потом!

«Слушаю». — Я уселась на постели, подтянула под себя ноги.

Вдохнуть не успела, а эфир заполнила отеческая теплота, сострадание и едкая жалость. Брр. Не захлебнуться бы.

«Юная леди, слава богам, вы живы! — Ласковая речь полилась приторным сиропом. — Так рад вновь слышать ваши мысли, ощущать стремительный разум! Так рад! Все эти дни я места себе не находил, переживал, даже сердце прихватило, когда мне доложили об издевательствах, которым подвергли вас черные мерзавцы. Это варварство, Флориан! Чудовищное унижение! Мерзавцам не может быть прощения, оправдания! Я... я боюсь даже представить, каково вам пришлось на площади и в той закрытой тюрьме... — Он как будто меня по головке гладил. — Но вы... настоящая боевая магиня, истинная регесторская леди! Я верил, им не сломить ваш свободный дух, дорогая!»

Ах, какие трели выводит. Прохвост. Почему на вызов тогда не ответил? И не помог? Яснее ясного почему.

«Оставьте это, Лекс, — оборвала я его лицемерные излияния. — Не верю».

Жалостливость обернулась горькой обидой. Как кто-то посмел усомниться в его актерских талантах?

«Мне действительно жаль, Флориан. — Зато тон резко поменялся на сухой и деловой. — Жаль, что у вас не достало благоразумия, чтобы прислушаться к моим советам».

Вот такой посол уже походил на себя. В бездну эмоциональные спектакли.

Я цинично пожала плечами.

«Разве не в этом состояла ваша цель?»

Хватит выжидать и играть по чужим правилам в разгадку. Нечто во мне неуловимо изменилось. Этим утром. Невидимые шестеренки сознания щелкнули, переместились на своих осях на новый, ранее недоступный рабочий уровень и завращались в ином режиме. Довольно каждый раз засовывать меня в жернова. Теперь я буду огрызаться. Вы разбудили меня. Вы все. Каждый по-своему.

Лекс наконец перестал фонить как сердобольный трухлявый пень.

«Вообще-то нет. Изначально мы всего лишь собирались разобратся, зачем вы потребовались Воленстиру. — Он криво усмехнулся. — Черные пошли на неслыханные ухищрения — подброшенные послания, склонение вашего брата к наркотикам, его же разоблачение, вовремя освободившаяся должность в филиале института и ультиматум Данкеру. Была проведена целая спецоперация, вас профессионально спугнули и повели, как мышку в лабиринте. И... Каково же было наше разочарование, когда причиной оказалась банальная месть воленстирского торгового атташе! Фи, Флориан! Вам стоило раньше поведать о недоразумении с Баддом Тарээсом и не издеваться над ведомственными аналитиками, бедолаги едва мозги не сломали, выдвигая гипотезы по вашему поводу. Глядишь, и публичного унижения удалось бы избежать...»

«Ну извините, — съязвила я. — Вы с первой встречи не внушили мне доверия».

«Взаимно, Флориан, взаимно. И вы простите мне стариковское предубеждение, но я не питаю иллюзий относительно барышень вашего типа. И тем не менее все, что ни делается, все к лучшему, не так ли? Кстати, поздравляю вас с новым хозяином».

Лекс намеревался задеть меня? Ему не нравился мой самоуверенный настрой. А мне нравился. Ой как нравился! После всего случившегося, после площади, кластера... Выпад пролетел мимо. Мелочная, очевидная манипуляция, комар и то ощущаю кусает! Вы можете лучше, лорд Аливер!

«Благодарю, — снисходительно кивнула я. — За участие в моей судьбе тоже спасибо. Было приятно пообщаться. Всего доброго!»

И я, довольная собой, разорвала связь.

Один, два, три, четыре...

Как и ожидалось, браслет снова ожил.

«Что-то забыли сказать?» — рассмеялась я.

«Крошка, — интонации царянули предостережением, — не преувеличивай свою значимость, никто уговаривать тебя не собирается. Хочешь выбраться из дерьма, в котором увязла, слушай внимательно. Но... если, конечно, тебе пришлось по душе положение азаари...»

Ну-ну. Удиви меня.

Убедившись, что я не собираюсь досрочно завершать беседу, посол продолжил:

«Мы готовы помочь юной леди в трудной жизненной ситуации. Регестор не бросает верных подданных в беде, тем более тех, кто каждую минуту рискует подвергнуться насилию — физическому и ментальному, словить фатальное забвение... — Старик выдержал красноречивую паузу. — Для девушек, находящихся в непосредственной близости от самого опасного человека Воленстира, презревшего любые принципы, нормы морали и нравственности, творившего столь жуткие вещи, о которых я побоялся бы даже упоминать в светской беседе, подобный финал неизбежен».

Уже дрожу. К делу. К делу. И к цене.

«Чего вы хотите?»

«Информации. Никому еще не удавалось подобраться к Тиру Бирлеку так близко, как вам. Упускать такую возможность глупо, ибо вы, Флориан, способны пойти гораздо дальше и найти ответы на беспокоящие нас вопросы. — Эх, не удивил. — Помните наш разговор про кровную экспансию? Про угрозу структурной магии? У вас, юная леди, есть шанс стать подлинной героиней своей страны и наконец отыскать лекарство от токсичной чумы».

На гордость пытается давить, гад. Спой он эту песенку в день моего прилета в Воленстир, она бы подействовала, а сейчас... Сейчас плевать. За подвешенными морковками по свистку больше не бегаю, но выводы его с интересом послушаю, пускай продолжает.

«Мы предполагаем, что ключ к сдерживанию Воленстира надо искать в тайнах Легиона. Слишком уж тщательно они охраняются. Немногочисленные легионеры, которых нам удалось захватить, погибли, но не раскрыли своих секретов, и усилия некромантов не дали результатов. Поднятые отказывались говорить даже под управляемыми схемами. Один из наших специалистов скончался, не совладав с волей такого мертвеца, другому удалось выжить, лишь подчинившись желанию почившего и испепелив того на месте».

Ух ты... Труповод под властью трупа? Впервые слышу. Впрочем, после демонстрации Тиром своих способностей я уже ничему не удивлялась.

«Сначала наши специалисты списывали невероятную скорость легионеров лишь на особые химические вещества, которые те вкальвают себе перед боем. Образцы у нас имеются, но для простых людей они оказались ядовиты, значит, дело в под-

готовке, о которой мы тоже ничего не знаем. — Лекс тяжело вздохнул без тени иронии, теперь он ощущался предельно серьезным и уставшим. — Флориан, отыщите их уязвимость, Легиона и всего Воленстира, и мы вытащим вас, где бы вы ни находились, кем бы ни были, что бы ни творили ради достижения этой цели, мы вас спасем».

Даже так? Полный карт-бланш?

Тайна, которую хранит Легион. Любопытно... Митра тоже упоминала какие-то тайны. Вот только...

«Вы меня подставили, использовали, а затем выбросили. Не забирай меня командующий, вы бы со мной даже не связались. И после всего этого я должна работать на вас? Верить обещаниям? Вы ублюдки».

Его высокомерие оказалось не слабее моего.

«Нисколько, Флориан. Я весьма порядочный человек терпимых взглядов и широкой души, а главное, законопослушный и преданный своей стране. В отличие от вас. Думаете, мы не в курсе, как вы провели Темную ночь с террористом Марэ? Следует признать, весьма продуктивно и разрушительно, с человеческими жертвами».

А вот этот удар я прочувствовала. Хорошо задвинул. Прямо под дых. Молодец.

Я сидела и глотала ртом воздух.

Выходит... они знали. Всегда. Знали, что это именно я выкрала карты балансов, что сама придумала, как это сделать, и сама рвалась на ФЭП, никто меня не заставлял. И все остальное, конечно, тоже знали. Предки-и-и! Поэтому и относились как к расходному материалу.

Так! Сейчас это уже не важно! Я резко осадил нараждающую панику и холодно спросила: «Тогда почему я вышла из Ведомства? Почему не сижу в тюрьме?»

Посол раздраженно хмыкнул. «Почему вы вышли — к нашему делу отношения не имеет. На то были причины».

«Какие такие причины? — рыкнула я. — Или вы лжете и изначально знали об интересе Тарээса? Решили понаблюдать за мной, посмотреть, что из этого выйдет, да? А когда дело вдруг приняло удачный оборот, опять надумали использовать? Расскажите-ка, в каком переулке вы меня ликвидируете после?»

«Я предпочитаю заключать честные сделки, Флориан. Даю слово лорда, если вы раскроете секрет Легиона, то заслужите

прощение — честь вашего рода будет восстановлена, все судимости сняты, вы сможете обучаться в Боевой школе в Вартаке, получите достойное жалование и место в высшем обществе. Ее величество Изабелла Каврэн будет рада познакомиться с вами лично и вручить грамоту на ту землю, которой владел ваш род последнюю сотню лет. Все, о чем вы мечтали, ради чего нарушали закон, снова станет вашим по праву, только помогите Регестору».

Все, о чем я мечтала...

Внутренности сводило судорогой.

Мечтала...

И все-таки Лекс ублюдок.

Я смотрела в одну точку. Вокруг незримым маревом колыхалась ярость. Достойная цена. Слишком соблазнительная.

Но почему я никак не могу представить себя в этой картине идеального будущего, нарисованной послом? Хочу, а не получается.

Не сдержалась, горько усмехнулась. «И как же я, по-вашему, должна выведать страшную тайну Легиона?»

«Как хотите. Каким угодно способом. Вы — женщина, Бирлек — мужчина. Раз он спас вас, значит, вы его заинтересовали — огромный успех, Флориан, вы на верном пути, поздравляю...»

Не уверена. Ох, не уве-э-эрена...

Мой скепсис посол расценил по-своему.

«Никто не осудит леди, поступившуюся нравственными принципами ради спасения империи».

Иными словами, никто не осудит леди, занявшуюся для Вedomства постельным шпионажем.

Возможно.

Только я не из семьи потомственных шпионок, я боевик, леди Келерой из благородного рода, защищавшего высокие устои нашего общества в том числе.

Тему захотелось сменить немедленно.

«А мой брат?»

Новый вздох.

«И снова я честен с вами, Фло. Мы понятия не имеем, где сейчас находится Фрэнк Келерой, жив он или мертв, и, соответственно, обещать я вам тоже ничего не могу, вам, азаари Тира Бирлека. Но если вы вернетесь домой, леди... Мы готовы обсудить его поиски».

Все для тебя, Фло. Любой каприз. Только сунь голову в пасть льву. И выживи. Ну а не выживешь, что ж, никто не будет горевать по аферистке, воровке и любовнице террориста.

Никто.

Ненавижу их. Противно.

И тошнит.

«Уверен, вы справитесь, Флориан, — между тем ободряюще вещал Лекс. — Риск, конечно, высок, но и награда соответствующая. А вы девица талантливая, целеустремленная, ум ваш превосходно работает даже в критических ситуациях, на то вы и боевой маг. Очаровательный боевой маг. Как бы там ни было, вы не заслуживаете носить клеймо азаари, и Воленстир — слишком тесная страна для таких великих женщин, как вы».

Брр.

«И все же. Почему вы меня отпустили? После взрыва на ФЭП? По моей вине погибли люди».

Он не понимал, отчего я не залипаю на лесть, а задаю идиотские вопросы. Я сама не понимала. Но мне было важно получить ответ.

Повисла тишина, Лекс подбирал слова.

«За вас *попросили*, — прозвучала в эфире туманная фраза. — Больше ничего сказать не могу... кроме как... Удачи, Флориан. Времени подумать над моим предложением у вас теперь предостаточно. Убежден, вы благоразумны и примете правильное решение, найдете способ исправить то зло, которое уже причинили Регестору, и возвратитесь на родину победительницей. Свяжитесь со мной, когда будете располагать необходимой информацией, и мы мгновенно организуем вашу эвакуацию».

Не дожидаясь моей реакции, старик отключился. Он был абсолютно уверен, что я уже согласна. Ведь сумасшедшие боевики не отказываются от таких шикарных предложений, а уж леди, находящаяся в отчаянном положении азаари, тем более. А еще Лекс уловил мою тщательно скрываемую жажду вернуться домой, без стеснения использовал ее и давил, давил, хотя прекрасно сознавал, на какой риск толкает меня и на кого именно натравливает.

Но он ошибся.

Я не бегаю по свистку.

Я не шлюха.

А дома давно не существует.

Но тайна Легиона меня заинтриговала. Как их воины делали то, что делали? Да, я хочу знать ответ, выведать их слабое место и, возможно... потребовать реванша!

* * *

Немедля я принялась облачаться в оставленные мне одеяния, сложенные в аккуратную стопку на краю постели. Изыском фасона они не отличались, а вот цветом и качеством ткани — еще как. Рубашка, будто мне в насмешку, вместо дорожущего алого шелка была простой и прямой, как у легионеров, но на мне она превратилась в платье. К ней прилагались штаны на резинке, кожаные тапочки и длинное полотно из того же материала, которым я минут пять все это дело подвязывала. Закончив и даже не отыскав зеркала, я рванулась проверять степень своей свободы в новой тюрьме.

Не терпелось убедиться, что дверь заперта!

Мало того, я вдруг осознала — мне бы хотелось, чтобы она оказалась заперта!

Особенно после разговора с Лексом, успешно разбередившим душу.

Но... нет. Ручка щелкнула, створка открылась. Проклятье!

Зато за порогом обнаружили двое в тактических костюмах. О, может, они рискнут задержать меня? Магический резерв восстановился, и вспыхнувшая злость привычно искала выхода, колыхала ауру, покалывала энергоканалы. Пусть командующий и победил в нашем поединке, но я не обещала быть пайнкой и смиряться с унижительным положением пленницы! Дайте только повод выпустить пыл, и он еще пожалеет о своем решении.

Но... Снова нет! Зар-разы! Ни один из воинов даже глазом не повел. И зачем тогда, спрашивается, караулят здесь? Нервно покусывая губу, я направилась к лестнице, старалась ступать бесшумно.

Внизу никого. Тишину нарушал шелест листвы на улице, крики чаек и далекий плеск волн. Холл сверкал белоснежными плитами, в них, как в прозрачном льду, отражались своды второго этажа, флаги и я сама в рубиновом одеянии. Вокруг ни пылинки, ни песчинки. Сквозь оконные рамы проникал все еще мягкий свет, кажется, рассвело совсем недавно. Могли бы и часы повесить.

Потоптавшись на месте в нерешительности, осторожно двинулась в единственный широкий проход исследовать новые территории. И все же почему никого нет? Должна же существовать хоть какая-то обслуга, азаари? Где они? Полы сами себя не моют.

Коридор вывел меня на просторную террасу-галерею, как и все здесь, пустынно аскетичную. Некоторые арки прикрывали проволочные сетки с замысловатыми орнаментами, отчего стремительно теплеющие солнечные лучи рисовали причудливые узоры на всем подряд.

И тут я споткнулась.

Еле-еле удержалась, не свалилась и застыла как вкопанная.

Тир.

Высокий, негибаемо-прямой...

Он стоял посреди резного проема вполоборота ко мне, ослабленно заложив руки в карманы, и неотрывно смотрел на расстилающуюся перед ним панораму Великой пустыни.

Легкий прохладный ветер трепал его бессменный наряд, заставлял тонкую ткань литься по мощному телу, пропитанному до последней клеточки хищной грацией, по фактурным буграм на спине, походившим на броню неведомого ящера, по обвешанному жесткими литыми мышцами торсу, затекать в ложбинку позвоночника у узких бедер.

В эту дразнящую игру включился и густевший ежесекундно свет, вычерчивая особенно контрастными тенями каждый мускул безупречного точеного профиля, воинственные скулы, мелкие шрамы и морщины, пульсирующую жилку на выбритом черепе.

Я не дышала — забыла как. Даже забыла, что злюсь. Ибо наблюдала совершеннейшую из физических форм, которую мог бы принять мужчина, а видела безжалостного, смертоносного зверя, заключенного в глубинах воленстирского естества, привнесенного туда многими поколениями его предков через раскаленные безграничные пространства, пламя тысяч битв, пепел и гарь пожарищ, через убийственный холод звездного хоровода, веками вращавшегося в ночном небе.

Инстинкты вопили о присутствии рядом громадного монстра, влиявшего на буйный разум не слабее убойного транквилизатора. Где-то очень далеко откликнулась на призыв моя дикая, первобытная суть, довольно улыбалась острыми клыками, мерно била по полу чешуйчатым хвостом.

Солнце сияло все ярче, иллюзии таяли, но я бы остановила мгновение... растянула его и пила, пила малыми глотками... никому никогда в том не сознавшись.

Проглотив слюну, моргнула, избавляясь от наваждения, которого вроде и не было.

Все это там где-то. Нереально.

А мы здесь. Люди...

Тир едва заметно качнул головой. Незаметно для тех, кто смотрит невнимательно. Но заметно для меня.

Прикрыв глаза, сделала глубокий вдох, сжала кулаки, разжала и пошла к нему.

Он все так же не шевелился. Так же глядел на растворяющиеся в дымке гигантские дюны. Ни слова не произнес. Я остановилась рядом, стиснула руки на груди и тоже уткнула взор в тусклый пейзаж.

— Доброе утро, Флориан. — От приветствия веяло иронией.

Знал, что недоброе?

Удостоив мой внешний вид лишь мимолетным вниманием, командующий снова сосредоточился на пустыне. Молчание затягивалось. Минуту уже тут стоим? Две? Не налюбовался еще? Сердитого нетерпения я не выказывала, но уж очень хотелось прояснить ситуацию... хотелось сказать... много чего сказать, а я... просто ждала.

— Это набегающая песчаная волна, — внезапно произнес он. — Из пустыни. Никогда не бывает прежней. Каждый день подползает ближе. И однажды обрушится на город. Никто не знает, когда именно это случится. Может, завтра, может, через десять лет, но она сойдет как лавина, погребет под собой улицы, будут жертвы.

— Что? — переспросила удивленно.

Он издевается, да? Мне это неинтересно!

— Воленстир противостоит пустыни столетиями, сдерживает ее от движения на юг. И оба противника убийственно прекрасны в своей борьбе.

Ха. Я надменно пожалала плечами. И плотину прорвало:

— Здесь нет абсолютно ничего пр-р-ректасного. Всюду пыль, дым, пекло. Ни вдохнуть, ни продохнуть, без маски на улицу не выйти! За каждым углом прячется токсичный ублюдок, способный уничтожить тебя! Дикие порядки, специально придуманные обычаи только ради того, чтобы схватить зазе-

вавшуюся девушку, лишит ее свободы, памяти, поработить законно, незаконно — никого не волнует! Ведь потом она ничего не вспомнит! Чудовищное место. А это... — махнула рукой. — Что это вообще такое? Блеклые невыразительные холмы, ни деревца, небо в дыму... ни красок... аж глаза режет. Фу! Одна гадость! Нет. Ничего красивого я здесь не вижу. Ни-че-го!

Все это я выдала гордо с большим апломбом и вежливой ухмылкой. Попыталась задеть генерала. По инерции.

— Красоту не видят, Флориан, — спокойно парировал он, плясая на противные барханы. — Ее чувствуют. Либо не чувствуют.

— А? — Это... он сейчас намекает, что я бесчувственная деревяшка?!

Моя челюсть успела отпасть. Ну... знаете ли...

Бирлек продолжал:

— Снижение чувствительности — это защитная реакция перегруженного сознания. Когда в нем слишком много боли, бессмысленной борьбы с ней. Разрушительных эмоций, мыслей. Страх. Сомнений. Тут уже не до красоты. В тебе не осталось для нее места. — Он неопределенно качнул головой. — Старайся больше ощущать и меньше думать. Как можно меньше.

Кла-а-асс!

Он правда серьезно или это шутка?!

— Да? — нервн хихикнула я. — Меньше думать? Вот оно, оказывается, суперрешение всех моих проблем?! Меньше думать, как вляпалась в это дерьмо?! Меньше думать, насколько мне ненавистен ваш Воленстир?! Что ноги бы моей тут никогда не было, если бы не поганые обстоятельства?! А может, меньше думать, что свобода машет мне ручкой? А я другая и все это не мое?! Меньше думать, что мне, бездна, никак, совсем никак не вернуться в Регестор?! Если только... А... — Я вовремя прикусила язык. — Отличный совет от токсичного варвара! Меньше думай или что?! Или ты сможешь мне по-думать поменьше?!

Я всплеснула руками, сбросив магию в воздух.

— Ты не даешь этому миру шанса.

На этот раз нерушимое хладнокровие Тира взбесило меня, как красная тряпка быка!

— Шанса?! — зашипела я, разворачиваясь. — О, я сыта по горло этими шансами! Нахлебалась ими и вашим Воленсти-

ром! Каждый день хлебала! А уж там, на площади! А в кластере! Спасибо, познала все сполна! Все увидела!!! Я...

— Ты не видела *ничего*, — грубо обрубили меня на полуслове ледяной интонацией.

Будто колотый лед за шиворот высыпали и мгновенно остудили пыл, обнулив бушующую ярость. Не знаю, как он это делал, но у меня слова в глотке застряли. А Тир... Один его взгляд, проникающий, крепко бравший за душу, не советовал дальше извергать свои мысли. Лучше заткнуться. Безопаснее. А еще лучше отступить. Но я не отступила. Одолев растущий страх, выдавила скептическую улыбочку, которая, впрочем, долго не продержалась, ведь генерал заговорил снова, и каждую свою фразу он буквально выплевывал прямо мне в душу:

— Ты явилась сюда со своим сформированным регесторской пропагандой представлением о Воленстире. И ничего иного ты, как мы с тобой выяснили, видеть не желала. Ты уже ненавидела нас. И все, чем ты тут занималась день изо дня — искала поводы ненавидеть нас сильнее. — Я не ведала, куда деться от его черных глаз, как увернуться. — Мы не мешали тебе их находить. Но ни разу. Ни единожды ты не потрудились посмотреть на Воленстир объективно. Ты отмахивалась от каждого конструктивного примера успешных отношений — социальных, семейных, личных. Коих даже в регесторском филиале предостаточно, но нет — ты их сторонилась, специально держалась тех, кто не исказит удобной для тебя картины мира. В которой Флориан — на стороне добра и прогресса, а мы — токсичные черные варвары-угнетатели.

Гра-а-ань, от его тона колени подкашивались, волосы на затылке наэлектризовались...

А он беспощадно продолжал:

— Террористки. Их окружение. Посольские прихвостни. Осужденные преступницы. Ты связалась со всеми, кто непрерывно убеждал тебя в твоей правоте. Ведь это страшно, если вдруг правда обернется ложью, не так ли? Такое крушение мировоззрения... не оправишься. Все мы находим то, что ищем... — Бровь его со значением приподнялась. — И ты тоже нашла. Свой крах. Получила, что хотела, — площадь, приговор азаари и кластер.

Исходивший от генерала флер подавлял, сердце колотилось быстро-быстро, но я... Я не согласна, вообще-то! И нет, я не бессмертная, но нашла в себе храбрость поспорить:

— Это только слова! А я наблюдала реальные последствия! Виолу со стертой памятью, ползающую по мостовой! Во что превратилась Карла?! Не верю в ее большую любовь к извращенцу, к вашему благородному легионеру, командующий! Который напал на меня со своими людьми! И вы еще смеее говорить мне про честный суд?! Вы?! А Шамраг?! Что-то он не понес наказания после того, как изнасиловал несчастную рорку.

— Ты была там? — перебил, как по лицу хлестнул, и снова вся моя убежденность, напор мигом полетели обратно в бездну.

— Я...

— Отвечай. — Голос угрожающе понизился. — Ты лично присутствовала там, когда генерал Шамраг вершил свое преступление? Или *захотела*, чтобы оно стало правдой?

Внутри все обмерло.

Слишком очевидный намек... Слишком.

Уже догадалась.

Я опустила голову, разрывая невыносимый зрительный контакт.

Что бы там на самом деле ни произошло... что бы ни творилось, Шамраг...

— Он не насиловал ее. — Тир поморщился. — Последнее дело — делать выводы, не располагая всей полнотой информации.

В тишине слышалось мое прерывистое дыхание. Добил все же...

Я поверила ему сразу. Чихать хотела на Шамрага, на Эдварду, на какую-то Лию. Важно иное — тогда, в тот вечер у костра, я тоже уловила нелогичность в исповеди курчавой воленстирки, мелкие нестыковки. Годы игры в рейших тренируют логику, и я гордилась своей, но в этот раз... я проигнорировала ее, ведь действительно... хотела, чтобы ручка не открылась.

Мне сделалось та-а-ак паршиво... Ощущать себя дурой неприятно! Демонски неприятно! Ярость вспыхивала и затухала. На кого ее излить?! Эмоции рябили как в невычищенной масляной лампе. Весь спектр — обида, горечь, стыд за ошибку. Выразить недостойно, стерпеть нереально.

В животе пульсировала болезненная жаркая пустота и тошнило.

— Девочка переполнена темным огнем, — раздалось позади. — Он травит ее.

Тот самый дед с полосатой прической! Как его? Дэш. Я крутанулась. Долго ли он слушает нас? Предостаточно. Двое воленстирцев на меня одну? Это чересчур! Не сейчас. Я не готова!

— Отвези ее в храм Миражей.

На лице Бирлека отразилось сомнение.

— Она не дойдет.

— Она-то? — изумился Дэш, будто большей глупости в жизни не слышал, и хитро, заговорщицки мне подмигнул. — Ой ли! Дойдет. Еще как дойдет. Добежит, куда захочешь. Ей это необходимо. Именно сейчас. Пламя на пике. К тому же... Мы ведь давно хотели поставить эксперимент на регесторском боевике? Вот и проведешь заодно.

Командующий поджал губы, обдумывая странное предложение, и при этом смотрел на меня так пристально, оценивающе прищулив один глаз.

Какие еще... эксперименты? На мне?! Давясь страхом, я начала пятиться назад. Эксперименты? Куда я попала?! Что... эти токсичные гады собрались со мной делать?! Опыты ставить?! Как рорские колдуны на наших магах?!

За моим позорным отступлением оба воленстирца наблюдали с... плохо сдерживаемым весельем.

— Никуда не пойду! — рявкнула, отходя в коридор.

Но командующий, похоже, уже все решил и милостиво сообщил:

— Ладно. Так и быть, Флориан. Потрачу на тебя еще один день.

— Я никуда не пойду-у-у-у!!!

Какие храмы?! Миражи?! Что там происходит?! А вдруг там кровь выкачивают или... Ритуальные жертвоприношения?!

— Ты же желала выяснить, как мы двигаемся так быстро? — коварно оскалился бритоголовый монстр, а в голосе плескалось искушение высшего порядка. — Или передумала?

Я ошеломленно окаменела.

Он это... решил так пошутить? Ща-а-аз! Поверила. Заманивает, змей...

— Ага, и ты мне все выложишь, да? С чего бы? Самый важный секрет Легиона?

То ли от шока моя мимика окончательно поехала, то ли я несла откровенную чушь, но старик уже хохотал в открытую.

— Здесь нет никакого особого секрета. — Тир снова зацепил меня парализующим взглядом и, не торопясь, начал приближаться.

— Может... еще и научишь? — Я опасливо подобралась.

Глаза околдовывали, как и соблазнительные, растянутые интонации:

— А что... Может, и научу...

Я абсолютно точно ничего не понимала. Ничего, кроме того, что меня умело и мягко загоняли в угол. Во всех смыслах. Спина уперлась в прохладную стену. А командующий Легионом уже передо мной. Глядит сверху вниз и обольстительно шепчет:

— Ну так как? Летим в храм Миражей?

— И... мне ничего не угрожает? Никаких кровавых ритуалов... во имя... Тамико?!

Теперь не выдержал и Тир. И искренне рассмеялся.

— Флориан, я ведь дал слово, что со мной ты в полной безопасности?

Дал. Но как-то все просто. В чем подвох? Подвох точно был. Но, как говорится, кто не рискует... А я... рискну!

— Да! Хорошо! Я хочу все выяснить!

Уф... сказала...

— Отлично! — одобрительно кивнул генерал. — Отправляемся через полчаса. — Он быстрым шагом двинулся в сторону коридора, но вдруг внезапно обернулся. — И да... Если тебе интересно. В Воленстир вернулся Феликс Аливер. Я встретил его вчера. Настроение у него было довольно приподнятое.

Сердце екнуло, нырнуло в пятки, вынырнуло и бешено заколотилось.

Он знает. Бездна. Либо догадывается о нашей беседе. И... что, демоны их всех побери, это значит?! Предупреждение? Или ему наплевать?! Или после какого-то эксперимента это все не будет иметь значения?! А если... Если...

— Идем со мной. — Дэш перебил панические думы.

— Куда?

— Завтракать.

— Я не голодна.

— Это не обсуждается, девочка. — Улыбка пожилого воленстирца оставалась доброжелательной, тон ласковым, а вот подтон... командным. — В этом доме регулярное питание для тебя обязательно.

Ладно. На завтрак, значит, на завтрак.

Если собираются кормить, убивать вряд ли будут... Спокойно, Фло! Если бы они действительно планировали причинить тебе какой-то вред, то сто раз бы уже причинили.

Механически добрела до столовой. Села, куда сказали.

А если его не волнует предложение Лекса лишь потому, что он может раскрыть мне любую тайну, а потом стереть память? Либо попросит кого-то мне ее стереть. Ибо не... царское это дело?! Я сглотнула. Меня определенно сносило куда-то не туда.

Дэш все это время внимательно следил за мной. Наконец ему это надоело, и он строго спросил:

— Итак, в чем проблема?

Юлить не стала:

— Эксперимент.

— Хм, да-а-а... — задумчиво протянул воленстирец. — Это будет весьма занятно. Наверное, уже про забвение фантазируешь? Смешная. Расслабляйся. И мой тебе добрый совет — думай меньше. Никаких ужасных опытов никто ни на ком ставить не будет. В Воленстире никогда не опустятся до подобной низости. Попытка разогнать тебя и есть тот самый эксперимент. Мы предполагаем, что регесторские боевые маги схожи с нами ментально. Природные особенности вашего дара помогают впадать в верное состояние сознания, и некоторые способности могут именно вам даваться удивительно легко. К сожалению, возможность проверить эту гипотезу на практике нам прежде не представлялась. Не было подходящего кандидата. Теперь есть.

Фу-у-ух! Ему удалось немного успокоить меня. Самую капельку. Раз так, я готова. Да, мне не терпелось попробовать.

— В храме Миражей благоприятные условия для всяких практик, но путь туда неблизок и нелегок. Тебе понадобятся силы, поэтому... — Дэш самолично поставил передо мной тарелку какого-то варева — непонятной местной каши с кусочками авокадо, высокий стакан с апельсиновым соком, затем обошел мой стул, аккуратно расстелил кружевную салфетку, положил на нее серебряные столовые приборы и сунул вилку прямо мне в руку, как... ребенку, грань! — Если хочешь полететь в храм Миражей, придется все съесть! Между прочим, сам готовил. Специально для тебя. Поэтому не обижай старика. Приятного аппетита!

А? Я растерянно наблюдала, как Дэш пододвинул к себе поднос и по-хозяйски важно опустился в кресло во главе стола. Интересно... кто он вообще такой?!

Столовая общей тональности убранства дворца не изменяла — светлая, просторная, у дверей в сад дежурили легионеры, но за длинным столом из серого дерева мы сидели вдвоем.

— Как спала?

С опаской сунула себе в рот незнакомую кашу. А... вкусно. Даже очень. Кажется, я тысячу лет не пробовала домашней еды. В последний раз такое случилось...

Он ведь задал вопрос?

— Спасибо, превосходно, — запила я соком не вовремя нахлынувшие воспоминания. — А как вы успели за ночь раздобыть мне одежду? Или заранее знали, что Тир притащит меня?

— За ночь? Ну нет. Ты проспала почти двое суток, и я успел сориентироваться. Вообще-то... Прежде лично мне не доводилось опекать юных девиц, так что все в новинку. И если что-то нужно, что-то не так — пожалуйста, говори, не стесняйся. Прислуги у нас здесь нет... хм... точнее, есть, но ты ее не заметишь, так что все сами, да и женщин на территории не было уже много лет.

Ни одной женщины на территории?! Прямо вот ни одной? Да ладно!

— Возьми. — Дэш снял с запястья тяжелые наручные часы и передал мне. — В доме есть правила. Здесь не положено опаздывать. И на завтрак у нас осталось двадцать три минуты.

Я молча затянула новый ремешок рядом с браслетом связи и продолжила трапезу. Все было приготовлено восхитительно. После скудного питания в кластере, ненавистных мной орехов и сухофруктов я едва не впала во вкусовой экстаз. Жаль, на чай времени не осталось.

Когда тарелки опустели, Дэш провел меня через галерею на залитую ярким светом эспланаду и, пожелав удачи, направился обратно во дворец, а из дверей уже выходил Тир. За его плечами виднелись рукоятки пары мечей и увесистый баул, грудь перехватывали кожаные ремни, облепленные отделениями с рацией, какими-то склянками, флягами, ножами. Перебросившись парой фраз со стариком, командующий направился ко мне.

— Ладони, лицо, — коротко распорядился он, подав тюбик крема.

Пока натирала руки, Тир достал солнцезащитный плащ, очки со сменными затемняющими линзами и широкий пояс с сумкой на боку. Когда я все это нахлобучила на себя, Бирлек критично осмотрел меня, подтянул резинки плаща.

Ровно в семь утра, не опоздав ни на минутку, за забором приземлилась уже известная мне винтокрылая машина.

— Ну? Готова познать великую тайну, над которой бьется регесторское Ведомство? — не преминул поддеть Тир.

Я насупилась, напряглась, но он насмешливо фыркнул и приглашающе галантно махнул рукой. Дежурившие у периметра легионеры распахнули ворота, выпуская нас на свободу.

Бессменный пилот снова ждал у пандуса, его явно только что из постели выдернули — физиономия помятая, волосы торчком, щетина в бороду превратилась... Пыльную к тому же. М-да. А ведь был бы солидный мужик, достойный маг, если его отмыть и... встряхнуть хорошенько.

— Здравствуйте, — произнесла я по-регесторски и обязательно улыбнулась, пытаюсь расположить к себе соплеменника.

Эффект получился обратным. Пилот скривился сильнее, вымученно кивнул и поспешил убраться в кабину.

ТЬфу, как невежливо.

— У него нет права разговаривать с тобой, — пояснил Тир.

На этот раз я сама выбрала себе кресло. Подсела поближе к командующему, но не рядом, а с противоположного борта.

— Почему?

— Потому что мне проще приказать ему, чем объяснять тебе. — Он пристегнулся, я тоже.

— Разве у вас бывают мужчины азаари?

— Редко. Наш пилот — исключение из правил. Клеймо на нем для его же собственной безопасности. — Воленстирец наградил спину мага тяжелым выразительным взглядом, и даже я заметила, как напряглись плечи в кожаной куртке. — Чтобы не свернул себе шею. Раньше времени. Или ему ее не свернули.

Палец в перчатке застыл перед мигающей пластиной. Не надолго. Затем резко опустил ее, и моторы взвыли.

— Но... это же маг полета. Их демонски мало, и они чрезвычайно могущественны. Как вам вообще удалось повернуть подобное?

— Ты переоцениваешь магию. На самом деле магия ничего не значит. А насчет «как» — это слишком долгая история, у нас нет на нее времени. Кстати, сверим часы. На всякий случай. Вон бортовые. — Тир указал на неприметную панель под потолком, а я поглядела на свой циферблат. Ровно в три минуты восьмого летающий аппарат пошел на взлет.

Великая пустыня.

В тысяче километров севернее Тиреграда

Флориан Келерой

Минутные стрелки накручивали шестой час на свои крошечные оси. Сначала я развлекалась, рассматривая пейзаж за окном: причудливые розовые дюны дрожали, ветер, искусный скульптор, без усталости выводил их совершенные грани. И правда как море. Не прощающее ошибок. Накроет обычной волной — выплывешь, накрыет песчаной — барханы тщательно и заботливо высушат твой труп в своих раскаленных недрах. Постепенно ландшафт менялся. Вскоре мы уже летели над золотисто-красными дюнами, затем над ослепительными белыми.

Вздыхнув, я опустила шторку и занялась изучением устройства летающей машины в тонком диапазоне. Панели померкли, явили начинку аппарата. Что-то как-то все сложно. Сотни трубок переплетались замысловатым образом, везде гайки, болты, насосы двигаются, топливо в баках плещется, перетекает под днищем по раструбам, тяги щелкают, отклоняются. И все тусклое, механическое. Унылое. Ни одного заклинивания.

Ан нет, один артефакт все же в кабине отыскался. На цепочке болтался, над макушкой пилота. Компас, кажется. Магнитная стрелка упрямо указывала на север, другая, перпендикулярная ей — на риски с цифрами, нанесенными на пузатое защитное стекло. Если я правильно разобрала тончайшие энергопотоки в магической схеме, это высотомер — настоящий шедевр структурной инженерной мысли. Только зачем он тут? На борту воленстирского аппарата, способного определить высоту примитивными варварскими методами?

Размышлять о всякой ерунде тоже наскучило довольно быстро, и я переключилась на Тира, попыталась расспросить его о храме Миражей. Командующий всю дорогу гипнотизировал иллюминатор и отрываться от своего занятия не спешил, по-

этому либо вообще игнорировал мои вопросы, либо отвечал неизменное «сама увидишь».

Когда я уже скрежетала зубами от нетерпения и незаметно для себя била пяткой по полу, Тир наконец отстегнул свои ремни. Машина сразу пошла вниз. Прилетели? Ну и где этот страшный храм Миражей? Я сунула любопытный нос в окно, но там все так же маячила лишь бескрайняя белоснежная песочница под абсолютно нереальным индиговым небом.

— Флориан, иди сюда, — поманил меня Тир, одновременно опуская красный рубильник.

Истошно запиликали, замигали маячки, пандус рывками поехал вверх, а в кабину ворвался жаркий сухой ветер и оглушительный рев моторов.

Интересненько...

Я ухватилась за трос, осторожно подкралась к краю, даже наклонилась над пропастью.

Вау! Дух захватило, по спине побежали бодрящие опасностью мурашки. Внизу стремительно проносились девственные пески, вот тут, рядом, не через стекло, кажется, только руку протяни и дотронешься.

— Сходим, — произнес позади Бирлек и, взяв меня за локоть, просто... вышвырнул за борт.

Ах, ты-ы-ы-ы!!! Гад!!!

Барханы ближе-ближе.

Раз. Кувырок. Два.

Плюх!

Песок принял меня, как пух, и я покатилась кубарем с горки.

Ай-ай-ай!!! Обжигает!!! Вскочив, стала лихорадочно отряхиваться, пританцовывая на месте, — подошва-то у тапочек тонкая! Скорее-э-э-эй!

Домчав до теневой стороны дюны, я запахнула плащ, нацепила очки, непрестанно поливая мистера Блестящую Голову и весь его великий род нецензурной бранью! Заглушил ее вой аппарата. Заложив крутой вираж, он развернулся и, рассекая каленую небесную синеву серебристыми шлейфами, ушел на юг.

Супер! Где я?! И где этот негодяй?!

Негодяй показался из-за горки, как только стих гул улетающей машины. Темное пятно в колыхавшемся воздухе, укрытое

блестящим солнцезащитным плащом. Шел расслабленно, никуда не торопясь.

— Зачем?! — брызнула я гневом, спешно меняя линзы в очках на самые черные.

Лицо Бирлека было замотано платком, только глаза видны, и те лукаво шурились.

Весело, да?!

— Прогуляемся до храма. — Ну точно, весело. Улыбается.

Вот зачем?! Зачем гулять до храма, когда мы летели туда на том трясущемся куске железа?!

— Вообще-то, я терпеть не могу все эти прогулки! Нельзя было сразу до места долететь?!

— Не любишь прогулки? — переспросил генерал, сосредоточенно отряхивая от песка свой компас. — Странно, а я думал, очень любишь. Иначе бы не наматывала круги по степи. В любом случае выбор отсутствует. Транспорт вернется только завтра, в радиусе тысячи километров людей нет, до заката восемь часов, за это время нам надо дойти до храма. А тут довольно далеко. Так что прохладиться некогда — выдвигаемся немедленно.

И он первым пошел вперед.

Я же изумленно взирала ему вслед. Восемь часов?! Здесь?! Идти куда-то?! По такому пеклу?! С ума сошел?!

— Это безумие! Я не дойду! Я вообще не переношу жару!

— Не надо себя недооценивать, Флориан, — откликнулся командующий на ходу. — Ты перенесешь и жару, и все, что потребуется для твоего выживания. Давай за мной. Живей.

Насладившись видом его внушительной фигуры в прицеле огненной боевой структуры, я сбросила рвущуюся наружу лишнюю магию и припустила следом.

— Эй... эй! Почему непременно надо до заката дойти?! Ночью проще!

— Ночью в пустыне опасно. Аномалии.

— Что?!

— Не отставай.

Ар-р!!!

Пустыня... Возможно, я должна гордиться собой, вряд ли многим регесторцам выпадал шанс забраться так далеко на север и на собственной шкуре убедиться в непригодности здешних территорий для человеческого существования. Прошла

пара минут, а мне уже дурно даже в плаще! Воздух вдыхаешь, а он реально горячий, жжет легкие.

На исходе первого часа пот лил с меня ручьем, щеки пылали, мир кружился. Ненавижу! Ненавижу пустыню! Воленстир! Ненави-и-и-ижу Бирлека! И зачем только согласилась на тур по раскаленной сковородке?! Храм? Ага! Секрет Легиона? Ага! Как дойдем, отдохну и дам Тиру в морду! И плевать, чем это мне аукнется! Испепеляя убийственным взглядом противного генерала, я тем не менее топала следом, останавливалась только хлебнуть воды из фляги. Тогда же озиралась по сторонам.

Предки, может, я сплю? Ущипнула себя на всякий случай. Нет, все настоящее. Во мраке зенита сияло не солнце — звезда с растянутыми лучами, заключенная в огромный круг с радужными венцами по бокам. Само небо то окрашивалось в фантастические кислотно-синие тона, то темнело. Или это у меня в глазах мутнеет?

К концу третьего часа я уже ощущала себя зажаренной в фольге рыбой. Очень злой зажаренной рыбой. Превосходно, когда есть с чем сравнить! В кластере Тарээса хоть и гарь, но прохладнее!

Бух. В очередной раз увязнув, потеряла равновесие и полетела с песчаного холмика. Бездна, похоже, не дойду. Слишком тяжело. Слишком!

— Сади-и-ист!!! — простонала я, выкатываясь под ноги Бирлека. Тот пил водичку из фляги и выглядел лишь немного утомленным. А у меня водичка закончилась, между прочим! Потому что закливание конденсации работало с перебоями! Не получалось сконцентрироваться и создать схему! — Как же я мечтаю тебя уби-и-ить! Если бы только знала... Я бы... у-у-у! Ты ничем не лучше Тарээса!

— С чего это ты решила, будто я лучше? — Остатки своей воды он вылил мне на голову! Вот га-а-ад! Но все же чуть-чуть освежил... уф... хорошо... — Я гораздо страшнее Бадда, Флориан. Гораздо. Поэтому разумнее принять именно мою сторону.

Я зыркнула исподлобья. На Лекса намекает?

— У тебя в сумке лежит питательный коктейль. Это вместо обеда. Выпей.

Верно, завалилась там одна склянка с тягучей массой. Вскрыв ее, с подозрением принялась. Но вдруг действительно поможет? Я ведь уже ноги не переставляю, а еще идти

о-го-го сколько. Пересилив себя, проглотила, думала, стошнит, но нет. Вроде ничего.

В следующую секунду бутылка выскользнула из моих рук, и я ошеломленно уставилась на дрожащие в дымке дюны.

ЧТО ЭТО?!

Нет, я точно сплю. Какая... Жуть!!!

Утратив дар речи, я тыкала трясущимся пальцем в горизонт. Тир, заметив мое неадекватное поведение, лениво обернулся.

Я и правда это вижу! Над холмами неспешно поднималась гигантская морда клыкастого монстра.

Прозрачная.

Но как настоящая. Покрытая чешуей, обрамленная колючим воротником. Громадный ящер... Нет, не так! Я видела самку ордока, на которой летает наша принцесса Кирэн. Кто не видел? Так вот это... то, что вырывалось из-под песков, было во много раз больше! Тут один хвост как самка ордока!!! Оба-ал-деть! Кошмарище, закованное в черную блестящую броню, красуясь, выгнуло оцетинившийся шипами хребет и, закинув рогатую голову, сотрясло округу беззвучным рыком. Половину обозримого пространства занимали его крылья. Поворочав барханами, они захлопали, поднимая гиганта в ультрафиолетовые небеса и осыпая нас несуществующим песком.

Наваждение рассеялось, как не бывало, не потревожив ни единой реальной песчинки.

— Хрономираж, Флориан. Храм уже близко.

— Это же... арцедок, — догадалась я.

Вымерший вид ящеров.

— Это всего лишь мираж. Тебе повезло. Такие эффектные редко встретишь. Идем быстрее. Мы опаздываем. — Тир забросил себе за спину баул и с разбега взобрался на соседнюю дюну.

— Подожди меня!

Ага, подождал он, как же! Вон как припустил! Га-а-ад!!!

Безвкусная жижа немного добавила сил, помогла не отстать от командующего, не упасть в изнеможении. Но мышцы ныли, спина болела, с горок я теперь спускалась исключительно кубарем, а после еще ползла на четвереньках, пыталась отдышаться. Пот смыл крем с лица, ладоней, их саднило, на зубах скрипел вездесущий песок. Я плевалась, ругалась сначала страстно, потом вяло, но постепенно перестала огрызаться со-

всем и шла молча, стараясь не упустить из виду Бирлека, задававшего темп.

Миражи возникали еще пару раз — пальмы в мареве, несколько ползавших ящеров. После первого арцедака они не впечатлили.

Звезда начала клониться к закату, жесткий свет теплел, снежные пески превращались в золотые, небо краснело, но мне было уже все равно. Ненависть, гнев ушли, уступив место апатии. Часы Дэша показывали семь вечера.

Я не дойду.

Я уже точно знала это. Чувствовала.

И вон та иллюзия с лазоревым морем впереди, с пенистыми барашками, даже она не мотивировала.

Новая горка, новый спуск. Сколько их сегодня было? Сотни? А тут приятный тенек... Да. Все. С меня довольно. Не могу-у-у...

— Осталось немного, — сообщил генерал.

Это «немного» было еще час назад.

— Угу, — тупо кивнула я и сорвала с себя очки, платок, капшон...

Все. Хватит. Сощурилась. Мир плыл, кренился, пульсировал в отчаянном ритме. Дышать, дышать... ловить ртом воздух. И можно даже не думать, в голове пустота, все, как ты и хотел...

— Идем.

— Нет.

— Да.

— Не-э-эт. Иди сам. А я дальше не иду.

Несмотря на вечер... душно...

Командующий наклонился надо мной, поддел пальцами подбородок, заставил посмотреть на себя. Боги, ну и взгляд. Острый как бритва, жестокий, без капли человечности.

От него леденел пот на коже.

— Сейчас ты встанешь и пойдешь, — твердо процедил он.

— Нет...

Попыталась вырваться из хватки, но Тир не позволил, слегка встряхнул.

— Смотри на меня. Слушай меня. — И снова никуда не деться от его страшных глаз. — Тебе плохо?

— Да...

— Слышишь, как стучит сердце? — Лютые интонации разбавились вкрадчивыми.

Еще бы не слышать... У меня в висках будто дятлы долбят.
Тук-тук-тук...

— Да...

— Что еще слышишь?

— Ничего...

— Внимательно. Что между ударами? В паузах?

— Их нет.

— Внимательнее!

Он ведь от меня не отцепится, этот зверь...

— Гул.

— Хорошо, что еще?

— Дыхание. Свист в легких.

— Отлично. Дыши тише, глубже.

Как? Я не могу, задыхаюсь.

— Дыши.

Подчинилась, попыталась.

— Слы-ы-ышишь, как се-э-эрдце замедля-а-ается? — Голос Тира понизился до хриплого шепота. Слова лились как волшебная тягучая патока.

Да... да... Оно и правда...

А шелестящий гул уже нестерпимо давит на голову. А глаза-омуты тянут в себя, зачаровывают. Я теряюсь в них, тону вся, целиком. Вместе с болью и усталостью.

— Слу-у-ушай свой пульс. Сосредоточься на моме-э-энтах между ударами, живи-и-и в них, дыши-и-и ими...

Он осторожно потянул меня вверх. Я послушно поднялась. Как в трансе. Не в боевом. В каком-то ином. В ушах громыхало. Вдох — длиной в вечность, выдох — не короче.

— А теперь... — Генерал подался ко мне и резко рыкнул: — Пошла вперед!

И я пошла. Легко. Непринужденно. Просто вперед. По дюнам. Сквозь дребезжащее пространство. Шагала между ударами сердца...

* * *

Суровые волны разбивались о далекий риф, к берегу подкатывали уже ласковыми. Сам храм я увидела после — разглядела его начищенную кровлю как драгоценную крупинку червонного золота, сверкавшую в оранжевых песках. Рядом находился шпиль радиомачты и площадка для воздушных кораблей.

Неужели не мираж? Не мираж! Как только осознала это, побежала. Быстрее, быстрее! Через последнюю горку. Теперь вниз. Почти дошла! Дошла! Все!

Жужжащий транс кончился, когда до треугольных храмовых арок осталось полсотни метров.

Я перестала слушать дыхание и... рухнула как подкошенная. Дикая усталость вернулась мгновенно, взорвала тело, слабые мышцы скрутило от чудовищного напряжения. И тот самый пульс — снова под двести ударов. Зато голова больше не пчелиный улей и можно разобрать плеск волн и шелест ветра. И быструю поступь Тира.

Командующий размашистым шагом прошествовал мимо, бросив краткое:

— Bravo, Флориан.

Похоже, тоже запыхался...

Я же пальцем шевельнуть не могла, только грудь вздымалась. От ветра знобило. Возвратились мысли, но их было мало. Оказывается, на это тоже нужна энергия, а она закончилась. Все прогорело. Все поверхностное, наносное, вся та настырно мельтешащая перед внутренним взором рутинная белиберда... вихрь из претензий, вспышек обид и примитивных реакций, давно незаметных, призванных надежно спрятать истинное положение вещей... твою позицию относительно этих вещей... и... тебя саму. Ту, которая много лет сидит в дальнем уголке сознания под ментальным покрывалом... за десятью печатями. Девочку.

Печати треснули, ментальные покрывала полетели.

Внутри что-то сломалось... Окончательно. И через разломы просачивалось... позорное, всегда ненавистное чувство...

И уже... ничем не заткнуть его... потому что... больше нечем. Жалость.

Себя стало безумно жаль... до дрожи... до спазмов. И ее тоже жаль. Сколько еще можно издеваться... Над ней?! Над нами?! Огромные, голубые, слишком чистые глаза блестели.

Но ведь... на тысячу километров никого. Да? И Тир ушел в храм. И никто не увидит. Никто не ткнет пальцем... не упрекнет. Не рассмеется. А у нее... у нее ведь нет никого! Вообще! И никогда не было! Кроме самой Флориан... Меня.

По щеке покатила слеза.

Ну и пусть... Пусть... плевать! ПЛЕВАТЬ, я сказала!!!

Из пересохшего горла вырывались всхлипы. Невидимый маховик набирал обороты, раскручивался и раскручивался, возвращая все, что требовалось вернуть. И наконец я сорвалась. В пропасть. Разрыдалась. Впервые за десять лет.

Слезы текли по щекам, впитывались в песок. Я чувствовала ее боль, пропускала через себя и отпускала. Да... я смогла... Я все же смогла! И Тьма отступала...

Все заканчивается однажды.

Слезы кончились. Я кончилась. Опустошилась.

Боль ушла в песок, оставив за собой тишину, умиротворение.

Я лежала, раскинув руки-ноги в стороны, подо мной безмолвствовала тысячекилометровая пустыня, надо мной висела темная закатная бездна — апельсиновая корка, присыпанная звездной пылью. А я... на долгий момент стала всем этим, уместила в себя бесконечность, растворилась в ней. И не существовало слов ни в одном языке исследованного мира, чтобы выразить, как я была счастлива в тот миг. Как никогда прежде. Все стоило этого ощущения. И если бы потребовалось, ради него я без колебаний повторила бы весь свой путь.

Небесный купол постепенно гас, осыпался звездным серебром. Великолепное, прекраснейшее зрелище... Я не двигалась, смотрела по-детски, вдыхала жизнь, звонкую, разлитую повсюду радость. Пыталась запомнить себя такую... взять с собой, унести, не расплескав.

Вставала как пьяная, пошатывалась...

Над арками в башнях призывно полыхал огонь, я брела к ним, волоча за собой плащ. Тело еще плохо слушалось, будто деревянное, но вместе с тем в нем возникло что-то еще.

Да-да, я знаю, это невозможно по всем законам структурной магии! Так не бывает! Но мой резерв... мой потенциал только что сильно увеличился. В разы. И это... несомненное чудо!

Вот только... к чуду этому я осталась почти равнодушной. Ведь там, внутри, было еще что-то... светлое, цельное, что значительнее любых резервов.

Над древними гранитными колоннами хлопали флаги, створки высоких врат были раскрыты настежь. Тир подпирал одну из них. Задумчиво сложив руки на груди, он ждал. Меня.

Я приблизилась, остановилась, посмотрела на него. Он посмотрел в ответ. Ничего не сказал. Уже и не требовалось говорить. Я же... дерзнула коснуться сильного плеча, чуть сжала пальчиками и кивнула.

Не важно, кто он. Он не должен был. Мы чужие. И он мог ничего этого не делать, но сделал.

Не поучал, не шантажировал, не ставил сто пятьдесят условий, как остальные. Просто сделал что-то важное, когда это требовалось.

И я не могла не оценить.

Его губ коснулась загадочная всепонимающая улыбка, Тир взглядом пригласил войти в храм и затворил за нами дверь.

Великая пустыня. Храм Миражей

Флориан Келерой

— Вау...

В желобах у стен полыхало пламя, играло тенями на сводах купола, его поверхность пестрела уже знакомой мне причудливой резьбой. В центре обширного пустынного пространства находился постамент, на нем гигантская, сложенная из костей клешня ящера, сжимавшая чашу с синим огнем. И на этом все. Никаких иных предметов культа в зале не наблюдалось.

— Вы поклоняетесь вымершим арцедам?

— Нет. Это убежище. И хранилище.

Я пригляделась. Под скелетом лапы валялись монеты, пригоршни алмазов. Генерал приблизился к длинному когтю, повесил на него золотую цепочку, затем достал из-за пазухи бумажный сверток и ловко зашвырнул его в чашу. Пламя зашипело, пыхнуло клубами дыма, ввысь взметнулись искры и унеслись в отдушину купола, а помещение сразу заволочло вяжущим травяным ароматом. Пока Тир выгружал вещи из баула, я бродила вдоль стен и заглядывала в узкие окна-бойницы.

Сумерки над пустыней сгущались, рубиновый горизонт гас как прогоревший за день фитиль. Барханы — черные волны, небо — глубокое, полночное и блестящее. Никогда и нигде я не видела таких близких, ярко мерцающих звезд. С небом перемигивалось море, его гладь искрилась, шла таинственными всполохами-трещинами, кромка воды тускло люминесцировала. Почему, отчего такая фантастика? Вообще не важно. Сейчас надо просто быть, внимать, позволить соленому ветру путать волосы и наслаждаться новой энергией, распиравшей из-

мученное тело. Еще один момент из тех, что пропечатает память насквозь, из тех, который подвесишь на шелковую ленту воспоминаний в закромах сознания, чтобы однажды, в особенно темные времена, когда вновь заплутаешь, он вспыхнул спасительным маяком и осветил тебе путь.

Внезапно я обернулась. Захотелось обернуться. И наткнулась на пристальный, следящий взгляд Тира. Командующий закончил с вещами и теперь сидел на расстеленном спальнике, широко расставив ноги, уперев локти в колени. И вид у него был такой... сосредоточенный, будто он что-то прикидывал в уме, будто и не на меня смотрел, а на доску для рейшиха, например. На какой-то хитрый и оттого очень любопытный расклад фигур. Пространство между нами мигом наполнилось неуловимыми смыслами, я поспешила отвернуться, спрятать волнение и... улыбку.

Уже холодало, но я не отходила от окон. Воздух чересчур прозрачный, сочный до одури. А после пришли звуки. Очень низкие. Сначала едва уловимые, на грани слышимости, потом выраженные, жутковатые. Словно где-то далеко в унисон жужжали громадные шершни.

— Что это? — Я инстинктивно попятилась.

Тир уже провернул неприметное колесо-рычаг у постамента, и на бойницы опустились тяжелые железные листы, отрезав основную часть шума.

— Песок поет.

Песок не пел, песок выл, скрежетал и даже свирепо лаял.

В центре храма было тепло. На полу, на салфетке, стояли лампы и термосы, с одной стороны лежал спальник командующего, с другой мой. Облокотившись на подушку, Тир лениво тянул из фляги свой напиток и иногда подбрасывал в маленькую лампаду сухой травы.

— Этот звук сеет панику в людях, — продолжил он, — неконтролируемый страх. Порой даже сводит с ума. Но в храме мы в безопасности.

Я уселась на матрас, взяла ближайший термос. Есть почти не хотелось, а вот пить... Но когда открыла крышку, в нос ударил запах специй, тушеного с рисом мяса, и я незамедлительно влезла туда ложкой. Во втором сосуде оказался чай с моей любимой малиной. С малиной. В Воленстире.

— А трава зачем?

— Некоторые отзвуки все же способны вызывать беспокойство. Фимиам расслабляет. Ты же хочешь выспаться?

Казалось, я так вымоталась, что усну раньше, чем голова упадет на подушку.

— Конечно. Завтра же эксперимент.

Командующий усмехнулся.

— Нет. Эксперимент завершен. Завтра возвращаемся в Тиреград.

Ложка застыла перед моим носом.

В глазах генерала таился провокационный интерес — как именно я отреагирую?

— Но... — Еду я все же до рта донесла, не торопясь прожевала мясо. — Ты обещал рассказать, как вы так быстро перемещаетесь, попытаться разогнать меня?

Ты обещал. Соврал, благороднейший? Соврал, да?!

— И я разогнал, — возразил моим сомнениям Тир.

Отхлебнула чаю. Подумала немного.

— Не понимаю.

— Посмотри на свои часы.

Посмотрела. Без пятнадцати девять.

— Теперь сюда. — Он развернул ко мне свой циферблат.

Три минуты десятого.

— И... мои отстают, — установила я очевидный факт. — Что... это значит?

— Я не ускорялся сегодня, Флориан.

Не ускорялся...

Повисла пауза, помогать моему мыслительному процессу никто не спешил. Сама, Фло, все сама. Куда-то делась примерно четверть часа. Мои пятнадцать минут? То есть... нет... это все как-то очень сложно, непостижимо. Такого не бывает. Мозг силился осмыслить снизошедший на него когнитивный диссонанс.

— И куда... пропали эти пятнадцать минут?

— Никуда.

Еще хуже. Мозг вообще впал в ступор.

— То есть... я...

— Да. — Командующий кивнул. — Последние километров семь.

Нет! Невозможно!

— Вранье! Они наверняка сломались!

— Но сейчас идут точно. Сверх завтра с бортовыми. Или со временем восхода солнца. Или не сверяй. Если так хочется.

Пока он говорил, я вспоминала свои ощущения в походе. Определенно трансовые, странный шум в ушах, замедленный пульс, пустота в голове, но в целом лично для меня вроде бы ничего не поменялось. И ведь не бежала даже.

— Я полагала, нужен какой-то наркотик.

Раздался ехидный смешок.

— Можно обойтись и без химии. Я обхожусь без нее. Но большинству легионеров требуется помощь. Неизвестно, когда именно доведется вступить в бой, и часто нет времени сосредотачивать ум. Проще вколоть катализатор. Эффект мгновенный.

— Все равно не понимаю как... Ты обещал объяснить технику.

Его бровь насмешливо выгнулась.

Ладно, не обещал.

Вот же...

Попробовали, получилось, а я ничего и не заметила. Впрочем, этого следовало ожидать, Легион надежно хранит свои тайны. За моим разочарованием наблюдали снисходительно, но еще один глоток из фляги — и командующий улыбнулся благосклоннее.

— Все просто, Флориан. Если ты действительно хочешь двигаться *очень* быстро, придется заставить остальной мир притормозить.

Что?

Притормозить? Весь мир?!

От шока я едва не подавилась малиной.

— Да-да. Разгадка здесь. — Тир выразительно коснулся виска, затем повел ладонью перед собой. — Все это — лишь твое восприятие. Только твое. А теперь... — Он подался вперед, собираясь поведать самый страшный секрет, я аж дыхание задержала... Ну же, откройся мне... Откройся... В колыхавшемся свете особенно выделялся шрам на его щеке. — А теперь, Флориан... мы ложимся спать. — И он погасил лампу. — Спокойной ночи.

Шутник токсичный!

Фыркнув, я принялась допивать чай, а Тир заворачиваться в спальник.

Закрыв термосы, я тоже легла. Приглушенная песнь песка убаюкивала, сонный взгляд вяло скользил по замысловатой фактуре купола, порой выхватывал рисунки, диковинные символы, барельефы из клыкастых морд и переплетенных хвостов. Смотрела, смотрела и, уже уплывая в дремоту, невнятно пробормотала:

— Ты ведь теперь меня не отпустишь... — не спросила, а скорее констатировала для себя и вообще не рассчитывала на ответ. Генерал наверняка спит давно.

Тем удивительнее было услышать:

— Эта информация никак не поможет Регестору, а ты сама, без меня, вряд ли настроишь свое сознание на верную частоту.

И почему же, интересно? Хотя... я и в собственный боевой транс через раз вхожу.

И все же...

И все же на мой вопрос-то он ответа не дал.

* * *

Утро будило теплым сквозняком. Ветерок струился по полу, дразнил колючими песчинками. Распахнув глаза, я не сразу сообразила, где нахожусь. А когда вспомнила, резко села. Перво-наперво проверить резерв. Моя сила никуда не делась, она туго набивала тонкие тела, приятно давила на кожу. Потрясающее чувство! Я сжимала и разжимала упругую энергию в кулаках и млела, млела...

Пески, к счастью, уже закончили свой концерт, передав эстафету тишине. Сам храм тоже преобразился и не казался таким мрачным, как накануне. Окна, купол, боковая дверь были раскрыты, из проемов на полированные кости ящера лился свет.

Рядом лежал спальник. А вот его владельца нигде не наблюдалось.

Выбравшись из-под одеяла, я вышла из храма. И там никого. Слева — дюны, справа — море, сверху — перистые облака. Минут десять обходила монументальное сооружение по периметру, но Тира так и не обнаружила. Ну и ладно.

Не удержалась, сбежала по ступенькам к воде. Красотища! Изумрудная лазурь накатывала на берег, баламутила песок и откатывалась обратно, маня последовать за ней. Говорите, на тысячу километров никого? Отлично!

Не раздумывая, скинула с себя всю одежду и понеслась вперед, нырнула в очередную волну и сразу ушла на дно, такое же белое, песчаное, покрытое рябью, как пустыня на суше, но гораздо более обитаемое. Рыбы, рыбы... повсюду серебристые рыбки косяки переливались в пробивавшихся сверху лучах. Упиваясь невесомостью и непривычной обтекаемостью собственного тела, я доплыла до разноцветного рифа и долго парила там над темной бездной, рассматривала дивный подводный мир.

С тех пор как я в Воленстире, именно подводное плавание доставляло мне особое удовольствие. Жаль, за воздухом приходилось выныривать, иначе бы меня вечность на поверхности не увидели. Вот только, увы, организм мой протестовал против неумеренного купания, поэтому, когда и без того стянутые напряжением мышцы начало сводить, а, если верить часам Дэша, случилось это всего через каких-то сорок минут, пришлось грести обратно к берегу. Там, где мелко, встала и сразу замерла.

Ой-е-ей...

Тир расположился на ступеньках храма как великий царь на троне — развалился, удобно устроился, его взгляд — узконаправленный луч порочного внимания — навелся прицельно на меня. А я-то... голая!

Крайнее смятение обвилось невидимой удавкой у горла, но сзади набежала игривая волна, остудила прохладой и подтолкнула.

И правда... Кто это тут тушует? Порхающие в животе бабочки вредненько захихикали.

Тебе не смутить меня, командующий. Хочешь, чтобы я выскочила отсюда испуганной помидоркой, схватила свое тряпье и позорно удрала? Хочешь-хочешь, иначе откуда эта бесстыдная издевка в твоих глазах? Я закусил губу, обманчиво потупила взор. В конце концов, какие условности между нами, да? Ты же уже почти все видел. И вообще тебе все равно. У тебя царевна. А у меня прививка. Так что... все чудесно! Беспокоиться не о чем, и я никуда не тороплюсь. Между прочим, я еще не порадовалась ласковому солнышку.

Из воды выходила грациозно, как морская богиня. Худая, правда, богиня, хилая — ручки-ножки ноют после вчерашнего марш-броска. Ну так надо размять их. Как давно я не тянулась? Не занималась любимой зарядкой? А тут красота — при-

рода, гармония... то, что нужно! Без шуток, мне здесь очень-очень нравится!

Магнетические глаза предупреждающе сощурились, но я уже повернулась к генералу спиной. Зачем о нем думать? Ни к чему. Мистер Невозмутимость все-таки. Хе-хе...

Улыбаясь светилу, сложила пальцы в замок, потянулась ладонями к небу и едва не застонала от приятной боли. Энергетический кокон завращался, по каналам потекла магия. Какая я теперь... другая. И какое восхитительное могущество насытило каждую мою клеточку. Шейку тоже проработаем, возьмемся за коленку. Мм, как хорошо-о-о, прижмем ее к груди...

Тело отзывалось неохотно, косточки похрустывали. Как я могла так себя запустить?! Нет, о чем я думала, балда?! Вторую коленочку... Боги, какой ка-а-айф, энергия текла живительным потоком по пересохшим руслам. О-о-ох... Как я вообще посмела к себе так относиться?! Стыдно! Самой перед собой стыдно! Наклонилась вперед и едва достала покрытого пеной песка. Непорядок. Совершенный беспорядок. Связки деревянные. Больно. И в то же время неопишимо приятно. Я окончательно погрузилась в ощущения, отключилась от реальности, абсолютно позабыла про своего зрителя. К одной ступне наклонимся, к другой... Кажется, все же застонала вслух. Но та-а-ак кла-а-а-асно! У-у-ух! Нет, на руки мне сейчас не встать. И ни о каком кувырке не могло быть и речи — мышцы слишком слабы. Сейчас важно вспомнить, каково это — качать через себя магию. Вибрировать. По-новому... С другим потенциалом.

Завершая комплекс, расправила плечики, наполнила легкие раскаленным воздухом. В состоянии полнейшего умиротворения я развернулась и...

Во мне словно что-то взорвалось.

То самое умиротворение разбилось с оглушительным звоном, тысячи его осколков разлетелись по тонким телам, раскромсали их в клочья. В сознании хором взвыли сирены безопасности.

Тир передо мной.

Без рубашки.

Пульс взбесился. Я как в прорубь нырнула, задохнулась, отпрянула. Но одно его движение, перехват, и шершавая ла-

донь жестко зафиксировала плечо и шею разом. Не шевельнуться. Не отвернуться. И. Вот. Этот. Взглядище...

Меня пробрало звериным голодом, черной страстью. Словно наяву, как ленту стремительно меняющихся слайдов, я видела в его глазах, что он сейчас со мной сделает, в какой рог скрутит, как нагнет и какой зарядкой займется. А наша недопустимая близость вопила о его немедленной готовности приступить к любым упражнениям!

А-а-ах! Я затрепетала, затряслась в его руке.

Слишком велика угроза.

Угроза всему!

И это охренительно волнующе, демоны его побери!

— Осторо-о-ожно, Флориан. — Хриплый шепот электрическими разрядами расходился по нервам. — Опа-а-асно играешь... Я ведь... все же не железный.

Гра-а-а-ань! Он... сейчас сожрет меня! Не подавится. Потому что ничего не помешает. Даже я... Я...

— Но... у меня... прививка... — заскулила, закипая от адреналина. — Из-з-вращенец сказ-зал... от меня рази-зит, как от шлюхи... И... т-ты... не можешь...

Ты не можешь меня хотеть!

Идио-о-отка! Это же ошибка! Фатальная!

Грубый рывок, и я прижата к крепкой груди. Не только к груди. Нет! Я уяснила! Больше не буду...

— Ветер в твою сторону... — Тир уже шипел, его бархатистое дыхание ласкало шею. — К тому же... — Вторая ладонь сжала ягодицу, подняла меня, и орудие коснулось мишени. А-а-а!!! — Это только Бадд у нас такой... чувствительный. Для меня ощущения не выражены. Регесторская кровь слаба и не способна помешать... Покорить тебя.

Покорить меня...

Всего одна фраза, и крыша мгновенно съехала, в животе раскручивался жаркий пульсирующий вихрь. Предки, что я наделала, кого раздразила?! И куда это я сама уплываю?! Вернуться! Вернуться! Захныкала, задергалась... А его пальцы уже проникли, куда запрещено, и отключают рассудок!

Нет, негодяй! Нет-нет! Я потеряюсь, опьянею... Я же упусти контроль и погибну... наверное! Забвение — смерть! Забвение — смерть! Только от осознания сей опаснейшей истины почему-то еще слаще. Одно движение и... в крови плещется чистое вождление. Но нельзя. Нельзя!